

18+

ЮЛИЯ ТУЕЗОВА

ПЕРЕПОЛОХ В ВОЕННОМ ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВЕ

Юлия Туезова

**Переполюх в военном
представительстве**

«Издательские решения»

Туезова Ю.

Переполох в военном представительстве / Ю. Туезова —
«Издательские решения»,

Добро пожаловать в 400-е военное представительство — место, где за коридорными интригами скрываются судьбы кораблей, а за запахом жареных блинов — железная дисциплина (но это не точно). Здесь, за десять минут исчезает любая оставленная еда, а курилка эффективнее любого совещания. «400-е ВП» — это производственный роман о людях, для которых коллектив стал семьёй, а абсурдные инструкции — лишь повод лишний раз посмеяться.

© Туезова Ю.

© Издательские решения

Содержание

Глава 1 Добро пожаловать	6
Глава 2 План «Жених»	17
Глава 3 Съедобный беспредел	27
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Переполюх в военном представительстве

Юлия Туезова

Оформление обложки ai.tochka

© Юлия Туезова, 2026

ISBN 978-5-0070-7544-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 1 Добро пожаловать

Утро в 400-м военном представительстве начиналось не с бодрого доклада, а с едва уловимого сонного шороха, который постепенно заполнял длинный коридор. Солнечный свет робко пробивался сквозь запыленные окна, выхватывая танцующие пылинки над столами технических отделов. Слышался приглушенный скрип окна дежурного, который методично, миллиметр за миллиметром, открывал створку, впуская свежий утренний воздух в царство чертежей и регламентов.

В кухне, возле кабинета МЗК уже вовсю шипел старый электрический чайник, наполняя пространство знакомым и уютным звуком домашнего тепла. Тяжелый, почти осязаемый запах архивной бумаги, смешанный с нотками старой типографской краски, тянулся из приоткрытой двери Елены Геннадьевны Шлаптевой.

Тишина была почти священной.

Марина Анатольевна Смальгина, склонившись над своим столом, сосредоточенно раскладывала утренние документы, стараясь не нарушать хрупкое равновесие этого момента. Она знала, что скоро коридор заполнится голосами, топотом ног и звонками телефонов, но пока могла насладиться покоем. На ее столе уже лежала аккуратная стопка формуляров, ожидающих своей очереди на проверку, и каждый лист казался Марине частью огромного, слаженного механизма.

— Опять второй цех прислал акты без печатей, — вздохнула Марина, отодвигая стопку бумаг.

— Они испытывают твоё терпение, Марин, — отозвался Корзин Александр Сергеевич, держав в руках чашку и ожидая чайника.

— Мое терпение крепче их брони, но даже у него есть предел прочности, — парировала она.

Александр Завадский, молодой и перспективный инженер, который как раз сидел за столом напротив Марины Анатольевны, замер с несчастным видом. Его личная жизнь была под постоянным прицелом коллектива, проводившего операцию «Сватовство».

— Марин, кофейку? — услужливо предложил Ежимов Евгений, оставляя за собой шлейф приторного парфюма.

— Да, пожалуйста — не отказалась Смальгина.

Только на кухне раздался звук щелканья чайника, как туда быстрее ветра влетел Пересек Илья Анатольевич, доставая из кармана забранную у кого-то конфету.

Коридор постепенно наполнялся жизнью. Мимо рубки дежурного проследовали Мухашатаев Рафаиль Равильевич и Шухин Виктор Васильевич, о чем-то негромко споря. Их шаги гулко отдавались от стен, заставляя Нашуменко недовольно вздыхая.

Анатолий Нашуменко пребывал в состоянии, которое коллеги называли «высшей формой сосредоточенности», а посторонние — глубоким сном с открытыми глазами. Он замер в своем кресле, уставившись в монитор планшета, где на фоне пустых ворот лениво колыбалась ветка тополя. Его руки покоились на столе рядом с пустым журналом учета, а воображение, вероятно, уже рисовало картины предстоящей рыбалки или удачного похода за грибами. Нашуменко был живым воплощением стабильности 400-го ВП, его невозмутимость не могли поколебать ни проверки, ни авралы.

— Толя, ты хоть моргай иногда, а то пугаешь, — раздался голос Южкова Леонида Петровича, который с явным наслаждением пытался покормить большую рыбу в аквариуме.

В кабинете напротив, куда зашли Рафаиль Равильевич и Виктор Васильевич уже кипела работа.

Ляхин Денис Владимирович вальяжно изучал документы, переданные ему на согласование, попутно споря с Балиуллиным Ильдаром Ганиуловичем об утренних пробках и пути их решения.

Пажевитин Павел Александрович листал бумаги, попутно разговаривая и решая важные вопросы по телефону.

Тузеев Роман Витальевич откинувшись на спинку стула слушал спорт Мухашатаева Рафаиля Равильевича и Шухина Виктора Васильевича.

В углу кабинета слышалось странное шипение, а затем в воздухе поплыл резкий запах паленой изоляции.

— Опять коротит, зараза, — проворчал Виктор Васильевич Гудьянов.

Он стоял над старым офисным чайником, вооружившись отверткой и каким-то самодельным тестером. Гудьянов был из тех людей, кто мог починить авиационный двигатель с помощью скрепки и доброго слова, но бытовая техника почему-то всегда сопротивлялась его рукам. Запах гари становился всё отчетливее, смешиваясь с ароматом пыльных папок.

— Виктор Васильевич, вы нас тут не спалите до прихода начальства? — подал голос Ильдар.

— Не мешай, — огрызнулся Гудьянов, — тут контакт отошел. Сейчас я его на прямую кину, и заживем. Будет вам и кипяток, и светомузыка.

В следующем кабинете Елена Геннадьевна Шлаптева уже вовсю орудовала своим знаменитым стальным шилом в глубине архивного бастиона. Ее кабинет был похож на зачарованный лес, где вместо деревьев возвышались стеллажи с папками, а вместо лиан свешивались растения в горшках. Огромные фикусы и герани, расставленные на старых сейфах, казались молчаливыми стражами истории каждой детали, когда-либо прошедшей через это представительство. Елена Геннадьевна верила в бумагу больше, чем в любые электронные базы данных, и ее подпись в конце прошитого дела считалась высшим знаком качества.

Над дверью архива угрожающе покачнулся горшок с кактусом.

Посетители знали: одно неловкое движение, и флора Шлаптевой может нанести сокрушительный удар по неподготовленному гостю. Сама же Елена Геннадьевна чувствовала себя здесь как рыба в воде, безошибочно находя нужный документ в многокилометровых завалах регламентов и ГОСТов. На ее столе всегда стояла вазочка с конфетами — стратегический запас, способный растопить сердце любого сурового проверяющего или утешить расстроенного инженера.

— Опять Завадский вчера папку не на то место положил, — проворчала она под нос.

Чуть дальше, в кабинете, украшенном символикой футбольного клуба «Зенит», заступили на службу военные — Пошатаев и Лескович. Сине-бело-голубые шарфы на стенах странным образом гармонировали с суровыми военными плакатами.

Пошатаев Илья Сергеевич, постукивая ручкой по столу, изучал сводку вчерашнего матча, пока Лескович Максим Вацлавович пытался втиснуть в сейф очередную стопку документов.

— Слышь, Максим, — сказал Пошатаев, — если мы сегодня до трех отчет не сдадим, Сысеров нас самих в этот сейф закроет. А у меня вечером трансляция.

— Успеем, — уверенно ответил Лескович, поправляя календарь с эмблемой клуба. — Главное — тактика. Как у «Зенита»: сначала оборона в архиве, потом стремительная атака на подпись к заму.

Кривцов Константин Геннадьевич лишь тяело вздохнул, уткнувшись в бумаги.

В это время в экономическом отделе, который по праву считался местным комедийным клубом, было подозрительно тихо. Януковский Дмитрий Андреевич и Нина Ираклиевна Крабова еще не начали свой ежедневный марафон сарказма, что для остальных сотрудников служило верным признаком: либо кофе закончился, либо готовится нечто грандиозное. Это была территория смеха, где даже самые сухие цифры гособоронзаказа превращались в повод для

остроумной шутки. Если за дверью экономов было слышно громовое хохотание Крабовой, значит, жизнь в ВП шла своим чередом и катастроф не предвиделось.

А в кабинете напротив и вовсе стояла зловещая тишина. Хозяин этого кабинета — Сысеров Дмитрий Владимирович уже дышал свежим воздухом в курилке.

Внезапно входная дверь распахнулась с таким грохотом, будто в здание ворвался ураган.

Лилия Юсуповна влетела в коридор, оглашая пространство своим звонким, почти музыкальным голосом, который мгновенно разрушил утреннюю негу. Она была похожа на яркую птицу, случайно залетевшую в серые будни производства, и ее энергия была заразной. В руках она сжимала стопку ярких буклетов и пакетиков с карамелью, которую начала раздавать коллегам прямо на ходу, не сбавляя темпа.

— Мальчики и девочки, подъем! — воскликнула Лилия, заглядывая в каждый кабинет.

Она пронеслась мимо рубки дежурного и затормозила у стола Марины Маськиной, сияя загадочной улыбкой. За ее внешней веселостью всегда скрывалась поразительная осведомленность обо всем, что происходит на предприятии и за его пределами. Лилия была главным информационным узлом представительства, и если она выглядела так, будто выиграла в лотерею, значит, новости были действительно важными.

— Что случилось, Лиль? Опять премию обещают? — с надеждой спросил Ежимов.

Лилия Юсуповна наклонилась к Марине и, понизив голос до заговорщицкого шепота, который, тем не менее, был слышен в радиусе пяти метров, произнесла роковые слова. Она видела, как Нашуменко в своей рубке медленно начал выходить из оцепенения, а в архиве замерло шило Шлаптевой. Новость была такой силы, что даже старый чайник на кухне, казалось, перестал шипеть, прислушиваясь к происходящему в коридоре.

— Новый начальник на подходе! Майор Игорь Никитич уже в воротах! — выпалила она. Тишина, последовавшая за этим объявлением, была звонкой и пугающей.

Первым отреагировал Анатолий Нашуменко: он подскочил на месте так резко, что его кресло с жалобным скрипом откатилось к стене. Его сонный взгляд мгновенно сменился паническим блеском, и он начал судорожно поправлять воротник форменной рубашки, который за утро успел безнадежно помяться. Анатолий понимал, что если новый начальник увидит его в состоянии «сосредоточенности», первое знакомство может стать последним.

— Лиля, ты не шутишь? Мы же его только на следующей неделе ждали! — Марина замесалась по кабинету.

Она начала лихорадочно убирать со стола лишние бумаги, личные блокноты и чашку с недопитым кофе, которую спрятала за стопку папок с грифом «Секретно». Офис в мгновение ока превратился в бурлящий человеческий улей, где каждый пытался занять оборонительную позицию. Сонная дымка улетучилась, уступив место тревожному ожиданию и суете, характерной для боевой тревоги в условиях мирного времени.

— Какие уж тут шутки, я его машину на проходной видела, — отрезала Лилия Юсуповна.

Она успела заглянуть в архив к Шлаптевой, где Елена Геннадьевна, сохранив внешнее спокойствие, уже доставала самую толстую и чистую папку. Шлаптева была старым солдатом бюрократического фронта и знала: лучшее оружие против нового начальства — это безупречно оформленная документация. Она лишь мельком взглянула на свои кактусы, надеясь, что они не решат катапультироваться на голову Майора в самый неподходящий момент.

— Спокойно, без паники! Главное — делать вид, что мы работаем на пределе возможностей, — пробасил Януковский.

Он демонстративно открыл на компьютере сложную таблицу и начал быстро нажимать на клавиши, создавая иллюзию бурной деятельности. В коридоре слышался топот: сотрудники носились между кабинетами, пряча заначки с печеньем, закрывая пасьянсы и стирая пыль с мониторов. Ритм жизни 400-го ВП ускорился в десятки раз, превращая уютное гнездо в дисциплинированное подразделение, готовое к инспекции.

Марина Смальгина выглянула в коридор, где Лилия уже раздавала последние инструкции.

— Лиля, а он какой? Злой? — шепотом спросила Марина, прижимая к груди дырокол.

Лилия Юсуповна лишь многозначительно подняла брови и развела руками, мол, сама увидишь, но взгляд ее оставался встревоженным. Она знала, что приход Майора Игоря — это не просто смена руководства, а столкновение их привычного, почти семейного уклада с жесткими рамками системы. Кабинет Шлаптевой, курилка Сысорова, чаепития в МЗК — все это могло оказаться под угрозой цифровизации и новых строгих порядков.

— Главное, чтобы он не заглянул в курилку раньше времени, — добавила Лилия.

Там, на «теневом штабе» под открытым небом, Дмитрий Сысоров обычно решал вопросы, которые не поддавались официальным протоколам. Если Майор застанет там половину инженерного состава в разгар рабочего дня, объяснять пользу неформального общения будет крайне сложно. Весь 400-й ВП замер в напряженном ожидании, прислушиваясь к звукам, доносящимся со стороны главного входа, где вот-вот должен был появиться человек, несущий перемены.

Майор Игорь Никитич переступил порог 400-го военного представительства так, словно входил не в старое административное здание, а в захваченный штаб противника. Тишина коридора, еще мгновение назад наполненная ленивым гулом голосов и ароматом подгоревшего чайника, мгновенно стусилась, превращаясь в нечто осязаемое и тревожное. Его начищенные до зеркального блеска ботинки звонко печатали шаг по шершавому линолеуму, выбивая дробь, которая казалась сотрудникам похоронным маршем по их привычному укладу. В руках он сжимал тонкий планшет, чей глянцевый экран хищно поблескивал в тусклом свете казенных плафонов, обещая цифровой апокалипсис отдельно взятому коллективу.

Пост дежурного сиял пустотой.

Майор остановился, методично оглядывая пустую рубку, где на обшарпанном столе сиротливо лежал журнал учета посетителей, застывший на дате позавчерашнего дня. Он поправил безупречно сидящий китель и едва заметно нахмурился, не обнаружив того, кто должен был встречать его по всей форме. В этот момент из-за угла, ведущего к кухне МЗК, донеслось характерное шарканье тапочек.

Из-за поворота, покачиваясь в такт своим мыслям, выплыл Анатолий Васильевич Нашуменко, олицетворяя собой высшую степень служебного умиротворения и житейского комфорта. В одной руке он бережно, словно священный грааль, нес огромную фаянсовую кружку с дымящимся чаем, из которой торчал хвостик лимона. Другая рука была занята стратегическим запасом овсяного печенья, которое так и норовило рассыпаться по пути к дежурному посту. Его знаменитые подтяжки сегодня были натянуты особенно гордо, поддерживая не только брюки, но и саму концепцию неспешного бытия ветерана ВП.

Пар над кружкой замер.

Два мира столкнулись в узком коридоре: мир строгих регламентов, упакованный в планшет майора, и мир домашнего уюта, воплощенный в овсяном печенье Анатолия Васильевича. Нашуменко замер на полушаге, его глаза за толстыми линзами очков округлились, а челюсть медленно поползла вниз, едва не выронив заветную сладость. Время словно остановилось, запечатав эту немую сцену в истории представительства как великое противостояние системы и человека.

— Товарищ майор... — выдавил из себя Нашуменко, пытаясь одновременно вытянуться во фронт и не пролить чай.

— Дежурный по военному представительству? — сухим, как осенний лист, голосом осведомился Игорь, не меняя выражения лица.

Анатолий Васильевич судорожно сглотнул, чувствуя, как горячая кружка начинает жечь пальцы, но страх перед начальственным взглядом был сильнее физической боли. Он предпринял героическую попытку спрятать печенье за спину, что в его комплекции выглядело как попытка скрыть слона за тонкой березкой. В коридоре воцарилась такая тишина, что было слышно, как в дальнем кабинете экономистов Януковский судорожно пытается закрыть окно браузера.

— Так точно, я... это... плановый обход территории проводил, — нашелся Нашуменко, преданно глядя майору в пуговицу.

— С чаем и печеньем? — Игорь перевел взгляд на кружку, и Анатолий Васильевич невольно прикрыл её ладонью.

— Для дезинфекции организма, товарищ майор! Горло прихватило, донесения писать нечем будет, если голос пропадет, — находчивость Нашуменко была достойна государственной награды.

Майор Игорь Никитич не удостоил его ответом, лишь коротко кивнул, словно заноса этот вопиющий факт в память своего электронного устройства, и двинулся дальше.

Возле кабинета Марины Маськиной он притормозил, услышав, как внутри что-то звякнуло — это Корзин Александр в спешке пытался спрятать круку. Завадский, сидевший ближе всех к выходу, преданно смотрел в пустой экран компьютера, на котором в углу еще висел краешек окна с пасьянсом «Косынка».

Дальше путь лежал мимо «Гроссмейстерской», откуда доносился подозрительный стук шахматных фигур, который при его приближении сменился на яростный шелест нормативной документации. В дверном проеме на долю секунды мелькнула шевелюра Гудьянова, который с ловкостью фокусника прятал ферзя в карман широких брюк, делая вид, что изучает чертеж электросхемы.

В офисе пахло паникой и несвежим кофе.

Майор заглянул в кабинет к «зенитовцам», где Пошатаев и Лескович с невозмутимыми лицами сидели перед выключенными мониторами, держа в руках толстые тома ГОСТов. Правда, Пошатаев держал книгу вверх ногами, а из-под стола Лесковича предательски выглядывал край сине-бело-голубого шарфа, который он не успел до конца запихнуть в ящик. Игорь Никитич задержался в дверях на несколько секунд, его взгляд скользнул по стенам, где символика клуба соседствовала с приказами министерства.

— Изучаем матчасть, Пошатаев? — ледяным тоном спросил майор.

— Так точно, товарищ майор! Прорабатываем тактику... то есть, методику испытаний на следующий квартал! — бодро отрапортовал Пошатаев, не меняя положения перевернутой книги.

— Надеюсь, в этой методике предусмотрено, что мяч... то есть, изделие, должно попадать в цель, а не в аут, — Игорь Никитич развернулся и пошел дальше.

За его спиной Лескович облегченно выдохнул, едва не уронив папку на пол, и знаками показал коллеге, что нужно срочно прятать атрибутику. Весь коридор ВП превратился в один большой театр абсурда, где каждый актер пытался переиграть сурового критика в погонах. В экономическом отделе Нина Крабова, обычно оглашавшая здание раскатистым хохотом, теперь сидела тише воды, ниже травы, сосредоточенно тыкая пальцем в калькулятор, который даже не работал.

Януковский Дмитрий, прикрывшись горой папок, напоминал снайпера в засаде, следящего за целью через прицел старого монитора.

Майор Игорь шел по коридору, и за ним закрывались двери, затихали разговоры, а в воздухе оставался лишь едва уловимый аромат его дорогого одеколona и цифровой тревоги. Он не здоровался, не делал замечаний вслух, но его молчание было красноречивее любого выговора, заставляя даже самых смелых сотрудников поеживаться от холода. Дойдя до середины коридора,

дора, он остановился возле кабинета Елены Геннадьевны Шлаптевой, откуда тянуло характерным запахом жженой нити и старой бумаги.

— Елена Геннадьевна, — произнес он, не заходя внутрь, — надеюсь, ваш архив готов к великим переменам?

— Архив всегда готов, Игорь Никитич, — донесся из глубины монументальный голос Шлаптевой. — Вопрос в том, готовы ли перемены к встрече с моим архивом.

Майор едва заметно дернул уголком рта, что у него, вероятно, считалось улыбкой, и продолжил свой инспекционный марш к финишной прямой.

— Через пять минут всем собраться в кабинете начальника, — голос Игоря Никитича, усиленный акустикой пустого коридора, прозвучал как приговор.

— Всех? — робко переспросил Нашуменко, надеясь на чудо.

— Всех, Анатолий Николаевич. Даже тех, кто в данный момент занят героическим спасением овсяного печенья или изучением перевернутых книг, — отрезал майор, даже не оборачиваясь.

Он скрылся за дверью приемной, оставив за собой шлейф абсолютной неопределенности и коллективного предчувствия большой беды. Сотрудники начали осторожно высовываться из кабинетов, обмениваясь многозначительными взглядами и короткими жестами, которые заменяли им сейчас длинные речи. Нашуменко, наконец добравшийся до своего поста, сокрушенно смотрел на надкушенное печенье, которое теперь казалось ему символом утраченной свободы и спокойствия.

— Ну всё, приплыли, — прошептал Лилькин голос из-за угла экономического отдела.

— Тише ты, — шикнул на неё Януковский Дмитрий, поправляя ворот. — Слышали приказ? Через пять минут на ковер. Чувствую, оцифруют нас сейчас по самое не хочу.

— А я говорила, что планшет — это плохой знак, — добавила Крабова, пытаясь пригладить волосы. — Видели, как он на мой калькулятор посмотрел? Будто это не вычислительный прибор, а артефакт эпохи палеолита.

Коридор, еще недавно бывший территорией смеха и мелких служебных радостей, превратился в предбанник перед великим судом, где каждый судорожно вспоминал свои грехи. Кто-то прятал недоеденный бутерброд, кто-то лихорадочно перепроверял вчерашние донесения, а кто-то просто обреченно смотрел в окно на заводской двор. Пять минут, отведенные майором, таяли быстрее, чем надежда на то, что это просто дурной сон, и впереди их ждало нечто, что навсегда изменит жизнь 400-го военного представительства.

Повестка о созыве экстренного совещания разнеслась по коридорам 400-го военного представительства со скоростью утечки секретных данных. Сотрудники выходили из своих кабинетов с таким выражением лиц, будто их вызывают не на рабочую встречу, а на допрос с пристрастием в ведомство, где шутки заканчиваются на входе. Коридор, обычно наполненный ленивым гулом и ароматами заваренного Лилией Юсуповой чая, превратился в узкий шлюз, ведущий в эпицентр административного шторма.

— Опять реформы? — прошептал Януковский, поправляя галстук, который он надевал только в дни проверок и похорон надежд на премию. — Чует моё сердце, Лилечка, оцифруют нас до состояния бинарного кода.

— Не каркай, Дима, — отозвалась Лилия Юсуповна, машинально поправляя причёску. — Главное, чтобы из-за этой цифровизации нам не забыли реальную зарплату платить, а не виртуальные бонусы в приложении.

Кабинет начальника, рассчитанный на уютное пребывание троих-четверых посетителей, сейчас напоминал вагон метро в час пик, причём вагон, внезапно ставший арендой для испытания физических законов о непроницаемости тел. Десять офицеров в парадной и повседневной форме выстроились вдоль стен, пытаясь сохранить военную выправку в условиях катастро-

фической нехватки кислорода. Шестнадцать гражданских специалистов, ведомых монументальной Еленой Геннадьевной Шлаптевой, плотно оккупировали все доступные стулья, подоконник и даже край приставного столика для совещаний. Воздух в помещении стремительно тяжелеет, пропитываясь запахом старого сукна, архивной пыли и тревожного ожидания.

Майор Игорь стоял за своим столом, возвышаясь над толпой как неприступный маяк прогресса.

Дмитрий Владимирович Сысеров, волею судеб оказавшийся в самом углу, почувствовал, как его прижимает к тяжелому огнеупорному сейфу «Каспер», в котором хранились самые мрачные тайны гособоронзаказа. Огромный стальной ящик, казалось, специально выставил свои холодные углы, чтобы впитаться в плечо подполковника. Сысеров попытался сменить позу, но лишь плотнее впечатался в металл, когда толпа качнулась под напором втискивающегося в дверной проем Нашуменко. Анатолий Васильевич, всё ещё поправляя подтяжки, виновато улыбался, стараясь не раздавить никого своим авторитетным весом.

— Да ёб твою в качель... — негромко, но очень сочно выругался Сысеров, когда замок сейфа чувствительно ткнул его под лопатку.

Майор Игорь, как раз собиравшийся произнести первую программную фразу, на мгновение сбился с мысли и замер с открытым ртом.

— Прошу прощения, товарищ майор, — Сысеров изобразил некое подобие извиняющегося кивка, насколько позволяла теснота. — Мебель у нас тут... с характером. Продолжайте, не обращайтесь внимания на ветеранов тыла.

Игорь Николаевич откашлялся, пытаясь вернуть моменту утраченную торжественность, и поудобнее перехватил свой планшет, который в его руках выглядел как магический артефакт, призванный изгнать из этих стен дух бумажной волокиты. Экран устройства хищно светился, отражаясь в очках замерших сотрудников. Майор обвел взглядом присутствующих, задержавшись на Елене Геннадьевне, которая смотрела на него с таким выражением лица, будто он предлагал ей сжечь весь архив прямо сейчас в центре кабинета.

— Коллеги, я собрал вас, чтобы объявить о начале новой эры в жизни нашего представительства, — голос Майора звучал сухо и решительно. — Время папок с нитками и рукописных журналов уходит в прошлое. Мы переходим на полную цифровую прозрачность и новую номенклатуру.

По комнате пролетел коллективный вздох, похожий на шелест тысячи страниц, которые скоро должны были кануть в лету.

— Это как это «уходит»? — подал голос Виктор Васильевич Гудьянов, демонстративно потирая уставшее плечо. — Я, может, сорок лет эти схемы в журналах фиксировал, и ни разу у меня система не «зависла» и пароль не забылся. А ваш планшет, Игорь Николаевич, если на него чай пролить, всю обороноспособность страны обрушит?

— Мы будем использовать защищенные каналы связи и облачные хранилища, — парировал Майор, игнорируя скепсис ветерана. — Каждая деталь, каждый договор будет иметь свой цифровой след. Никаких «потерявшихся» в архиве справок больше не будет.

Шлаптева Елена Геннадьевна при этих словах выпрямилась так, что стул под ней протестующе скрипнул, словно тоже вступал в полемику с руководством. Она медленно перевела взгляд с Майора на его планшет, и в этом взгляде было больше угрозы, чем во всех приказах о дисциплинарных взысканиях вместе взятых. Для неё архив был не просто складом бумаги, а живым организмом, где каждая скрепка имела своё предназначение, а стальное шило служило верным стражем порядка.

— Цифровой след — это, конечно, звучит очень по-современному, — произнесла она своим глубоким, грудным голосом. — Только вот подпись на бумаге, товарищ майор, топором не вырубешь, а ваше «облако» первым же грозovým разрядом может развеять.

— Мы обеспечим дублирование данных, Елена Геннадьевна, — Майор попытался смягчить тон, понимая, что перед ним стоит главный бастион сопротивления. — Но поймите, система требует оптимизации. Мы не можем продолжать работать по стандартам прошлого века. Новая номенклатура позволит нам мгновенно формировать отчеты для управления.

Януковский наклонился к уху Нины Крабовой и прошептал так, чтобы слышали только соседи:

— Мгновенно формировать отчеты... Это значит, он теперь будет видеть, что я его еще не начинал, прямо в режиме реального времени. Никакого пространства для маневра!

— Тише ты, — Нина хихикнула, прикрывая рот ладонью. — Зато теперь не придется искать оправдания, почему ты проспал. Просто скажешь, что в облаке был туман.

Майор Игорь продолжал свою речь, распаляясь всё сильнее и рисуя перед притихшим коллективом картины светлого будущего, где бюрократия побеждена алгоритмами, а человеческий фактор сведен к минимуму. Он говорил о сетевом взаимодействии, об электронных ключах и о том, как важно каждому сотруднику выйти из зоны комфорта ради общего блага. Пошатаев и Лескович, зажатые между шкафом и дверью, обменялись многозначительными взглядами, в которых читалось явное желание поскорее вернуться к обсуждению трансферов «Зенита», чем погружаться в дебри цифровой трансформации.

— И самое главное, — Игорь сделал эффектную паузу, обводя притихшую толпу взглядом. — Я хочу, чтобы вы понимали: все эти перемены нужны не для того, чтобы усложнить вам жизнь. Мы должны стать единым организмом. Отныне наше военное представительство — это одна большая семья.

В кабинете воцарилась такая звенящая тишина, что было слышно, как в коридоре капает вода из старого крана. Понятие «семьи» в контексте военного ведомства прозвучало настолько неожиданно и пафосно, что даже Сысеров перестал бороться с сейфом и удивленно приподнял бровь. Сотрудники переглядывались, пытаясь осознать свою новую роль в этой неожиданно возникшей ячейке общества, где вместо родственных связей предлагались протоколы передачи данных.

Денис Ляхин, стоявший у самого окна и безупречно выглядящий даже в этой невыносимой тесноте, медленно поправил воротничок своего накрахмаленного мундира. Он дождался, пока эхо слов Майора окончательно затихнет в углах кабинета, и, ни к кому конкретно не обращаясь, произнес негромким, но отчетливым шепотом:

— Ага, только неблагополучная.

Эта короткая фраза сработала как детонатор. По комнате пробежала волна подавленных смешков, которые сотрудники отчаянно пытались замаскировать под кашель или чихание. Даже суровая Шлаптева едва заметно дрогнула уголками губ, а Лилия Юсуповна была вынуждена уткнуться носом в папку, чтобы не расхохотаться в голос. Майор Игорь на секунду опешил, его идеальный план выступления дал трещину, наткнувшись на непреодолимую стену офисного сарказма.

— Остроумно, Денис Владимирович, — Майор постарался сохранить лицо, хотя по его щеке поползли красные пятна. — Однако семейные узы предполагают взаимную поддержку, а не только критику. Со следующей недели мы начинаем инвентаризацию рабочих мест для установки нового программного обеспечения.

Сысеров, воспользовавшись тем, что толпа начала понемногу рассасываться, наконец-то отлип от сейфа и с облегчением расправил плечи. Он посмотрел на Майора, потом на своих коллег, которые уже начали потихоньку просачиваться к выходу, обсуждая услышанное вполголоса. Было ясно, что «цифровая эра» в 400-м ВП начнется не с установки программ, а с долгой и изнурительной партизанской войны старых привычек против новых регламентов.

— Ну что, «родственнички», — подмигнул коллегам Сысеров, когда они вышли в коридор. — Пошли по кабинетам, пока нас в архив не сдали как устаревшие модели.

— Вы как хотите, а я свой чайный гриб оцифровывать не дам, — ворчал Гудьянов, уходя в сторону «Гроссмейстерской». — Это стратегический запас здоровья, никакой софт его не заменит.

Майор Игорь остался в кабинете один, глядя на экран своего планшета, который теперь казался ему не столько инструментом власти, сколько бесполезной игрушкой перед лицом этого стихийного коллективного разума. Он понимал, что сегодняшнее совещание было лишь первым залпом в битве, исход которой был далеко не очевиден. А за дверью уже вовсю кипела привычная жизнь: Лилия Юсуповна гремела чашками, Януковский искал повод не начинать отчет, а Елена Геннадьевна Шлаптева с удвоенной энергией втыкала стальное шило в новую папку, словно запечатывая в ней право на свой привычный, бумажный мир.

Майор Игорь Никитич вышел из кабинета начальника, и коридор 400-го военного представительства, казалось, физически сжался под тяжестью его решимости. В руках он сжимал свой планшет — тонкий, угольно-черный символ наступающей цифровой эпохи, который в этих стенах выглядел так же уместно, как лазерный меч в руках средневекового летописца. Его лицо не выражало ничего, кроме холодной дисциплины, но в глубине глаз поблескивала искра человека, решившего во что бы то ни стало каталогизировать этот хаос.

— Начинаем инвентаризацию, — объявил он.

Коридор ответил ему гробовой тишиной.

Первым на пути Игоря Никитича оказался кабинет технических специалистов, где обычно царила атмосфера расслабленного интеллектуального поиска, перемешанная с запахом крепкого чая. Услышав тяжелую поступь майора, старейшие инженеры — Шухин Владимир Васильевич и Виктор Васильевич Гудьянов — проявили такую скорость реакции, которой позавидовали бы курсанты-десантники. С глухим стуком под массивные столы из ДСП полетели логарифмические линейки, чьи пожелтевшие шкалы помнили еще первый полет Гагарина. Следом за ними в полумрак ящиков отправились калькуляторы «Электроника» с выцветшими кнопками, на которых до сих пор рассчитывались критические допуски для атомных подводных лодок.

— Владимир Васильевич, что это у вас под чертежом? — Майор подошел к столу Шухина и указал кончиком стилуса на подозрительный угол серого пластика.

— Это... это вспомогательное устройство для проверки геометрической прогрессии, товарищ майор, — не моргнув глазом, ответил старейшина, прикрывая «Электронику» широкой ладонью. — Старая школа, надежнее ваших облачных сервисов. Если электричество отключат, я на ней даже траекторию падения метеорита высчитаю.

Игорь Никитич едва заметно вздохнул.

— В облачных сервисах электричество не пропадает, Владимир Васильевич, там есть резервное питание. А вот ваши батарейки «Крона» могут потечь в самый ответственный момент. Пишем: один вычислитель аналоговый, износ сто процентов. Переходим к следующему объекту.

В углу кабинета Гудьянов, не отрываясь от своей вечной шахматной партии, задумчиво вертел в руках деревянного коня. На появление майора он отреагировал лишь коротким взглядом поверх очков, в котором читалось бесконечное превосходство опыта над молодостью. Шахматная доска в этом кабинете была таким же незыблемым элементом интерьера, как сейфы с секретной документацией.

— И это тоже запишете? — проворчал Виктор Васильевич. — Шахматы как средство развития стратегического мышления в условиях ограниченного времени?

— Это личное имущество, — отрезал Майор, занося данные в планшет. — Но я вижу, у вас тут тоже застой. Неужели не хочется заменить эти потертые фигуры на современный электронный симулятор? Он и ходы подскажет, и статистику партий за год выдаст.

Гудьянов усмехнулся, и его морщины собрались в хитрую сетку.

— Бездушный электронный симулятор? — переспросил он с явным сарказмом. — Который точно будет подыгрывать начальству по протоколу связи? Нет уж, Игорь Никитич, в настоящей игре должен быть запах лакированного дерева и скрип стула противника. Цифра не умеет блефовать, а в нашем деле без этого никуда.

Майор ничего не ответил, лишь сделал пометку в своем цифровом гроссбухе.

Следующим пунктом назначения стал кабинет МЗК, где Александр Завадский уже несколько минут боролся с паникой и старым матричным принтером. Этот аппарат был легендарной представительства: он печатал со скоростью улитки, но при этом издавал звуки, напоминающие крики раненого зверя, попавшего в железный капкан. Завадский, понимая, что спрятать этот грохочущий монолит в стол невозможно, решился на отчаянный шаг. Когда Майор вошел, Александр как раз заканчивал расправлять поверх принтера изящную кружевную салфетку, которую он в порыве вдохновения стащил с тумбочки в коридоре.

— Что это за инсталляция, Александр Николаевич? — Игорь остановился перед столом Завадского, подозрительно глядя на салфетку.

— Это... антикварная тумбочка, товарищ майор! — выпалил Саша, вытирая пот со лба. — Семейная реликвия, очень помогает сосредоточиться на проверке договоров. Создает, знаете ли, уют и преемственность поколений.

В этот момент принтер, словно почувствовав предательство, решил совершить автоматическую калибровку.

Из-под кружева раздался пронзительный скрежет: «Зжж-зжж-кляц!». Салфетка мелко задрожала, словно накрытая скатертью змея, пытающаяся вырваться на волю. Майор Игорь медленно протянул руку и аккуратно приподнял край кружева, обнажив зазубренные края печатающей головки и рулон перфорированной бумаги, который медленно разматывался на пол.

— Уютная тумбочка, — констатировал Игорь Никитич. — Издаст звуки как старый танк на марше. Записываем: печатающее устройство ударного типа, модель юрского периода. Подлежит немедленной замене на лазерный МФУ с сетевым интерфейсом.

— Но он же работает! — почти простонал Завадский. — Он родной, он нас всех переживает!

— Именно этого я и боюсь, — сухо ответил Майор.

Перепись техники продолжалась, превращаясь в бесконечный сериал о столкновении эпох. В экономическом отделе Нина Крабова и Януковский сидели с такими серьезными лицами, будто решали судьбу государственного бюджета на десятилетие вперед. Однако Майор сразу заметил, что кабель от монитора Януковского сиротливо болтается под столом, а сам Дмитрий Андреевич сосредоточенно «печатает» на клавиатуре, которая даже не была подключена к системному блоку.

— Дмитрий Андреевич, вы работаете силой мысли? — поинтересовался Игорь, подходя ближе.

Януковский медленно поднял голову, его глаза за стеклами очков светились неподдельным достоинством.

— Я провожу ментальную проверку алгоритмов, товарищ майор. Чтобы не тратить драгоценную электроэнергию на промежуточные итерации. Чистая экономика, как вы и требовали.

Нина Крабова не выдержала и прыснула в кулак, мгновенно превратив этот звук в тяжелый кашель.

— Всем отделом кашляете? — Майор Игорь окинул взглядом горы папок, которые Лилия Юсуповна пыталась систематизировать с помощью цветных скрепок. — Понятно. Здесь нам

понадобится не просто оцифровка, а полная санация рабочих процессов. Вечером жду отчет о фактическом наличии работающих USB-портов.

Наконец, Майор дошел до конца коридора, где располагался главный бастион старого мира — архив Елены Геннадьевны Шлаптевой.

Запах здесь был особенным: смесь пыли, старой кожи, типографской краски и чего-то неуловимо домашнего, вроде ванили. Елена Геннадьевна стояла посреди своих владений, скрестив руки на груди, словно капитан корабля, идущего на таран. На ее рабочем столе, как на алтаре, лежало массивное стальное шило с отполированной до блеска рукояткой и катушка суровой нити. Она демонстративно взяла шило и начала медленно, с чувством собственного достоинства, полировать его кусочком войлока.

— Елена Геннадьевна, — начал Майор, стараясь придать голосу мягкость, которая ему совершенно не удавалась. — Мы пришли к самому важному этапу. Ваша номенклатура, все эти папки... они должны быть переведены в электронный реестр. Мы создадим базу данных, где поиск любого документа займет три секунды.

Шлаптева посмотрела на его планшет с таким презрением, будто это была грязная тарелка, оставленная нерадивым гостем.

— Три секунды? — голос ее прозвучал как удар колокола. — А если ваш планшет разрядится? А если сервер ваш, заморский, вирусом покроется? Кто тогда подтвердит, что деталь для катера номер сорок два прошла приемку в девяносто пятом году? Вы, Игорь Никитич? Или ваша пластиковая коробочка?

Она сделала шаг вперед, и тень от ее монументальной фигуры накрыла Майора.

— В моем архиве, — продолжала она, — каждый лист прошит вручную. Нить не зависает, бумага не требует обновлений прошивки. Мои папки пережили три смены руководства и один пожар в соседнем здании. И вы хотите, чтобы я променяла это на... на пиксели?

Майор попытался возразить, открыв было рот, но Шлаптева не дала ему вставить ни слова.

— Оцифровка, — она выплюнула это слово, как горькую косточку. — Я вам сейчас покажу, что такое настоящий аргумент.

Она резко развернулась к столу, схватила огромную, тяжелую печать на деревянной ручке и с такой силой припечатала ее к титульному листу новой папки, что пол под ногами Майора вздрогнул. Звук удара — сочный, тяжелый, окончательный — эхом разнесся по всему коридору, заставив Нашуменко в своей рубке подпрыгнуть на стуле. Это был не просто звук печати, это был манифест, финальный аккорд в споре двух цивилизаций.

— Вот это — документ, — отрезала Елена Геннадьевна, указывая на четкий синий оттиск. — Его можно потрогать, его можно подшить, его можно в суд предъявить через сорок лет. А ваши облака... сегодня они есть, а завтра ветер подул, и нет их.

Майор Игорь Никитич стоял, невольно любуясь этой непоколебимой уверенностью. Он понял, что цифровая реформа наткнулась не просто на бюрократию, а на гранитную скалу человеческой убежденности, подкрепленную тридцатью годами стажа и стальным шилом.

Глава 2 План «Жених»

Утро в 400-м военном представительстве началось не с грохота заводского гудка и даже не с традиционного шипения чайника в кабинете МЗК, а с тяжёлого, оценивающего взгляда Марины Анатольевны. Она стояла в дверях технического отдела, скрестив руки на груди, и смотрела на Александра Завадского так, словно он был бракованной деталью, случайно прошедшей военную приёмку. Саша, почувствовав этот взгляд затылком, инстинктивно втянул голову в плечи, пытаясь слиться со своим монитором и огромной кучей чертежей, но от Марины Анатольевны спрятаться было невозможно.

Ловушка захлопнулась.

— Александр, скажи мне честно, ты этот свитер нашёл при раскопках палеолита или он достался тебе в наследство от первого начальника нашего ВП? — голос Марины Анатольевны прозвучал мягко, но в этой мягкости скрывалась мощь тяжёлой артиллерии. Она медленно подошла к его столу, брезгливо кончиками пальцев прикоснувшись к серому, изрядно закатавшемуся рукаву, который знал лучшие времена ещё до начала первой волны цифровизации.

Саша робко улыбнулся и попытался поправить воротник.

— Марина Анатольевна, ну зачем вы так? Он же тёплый. В цехах на четвёртой площадке сквозняки такие, что даже крысы в шарфах бегают. А этот свитер — моя рабочая броня, он уже пропитан духом гособоронзаказа и маслом для смазки турбин. В нём я чувствую себя защищённым от любых внешних факторов, включая холод и внеплановые проверки руководства.

— Ты в нём выглядишь как человек, который сдался жизни без боя. — отрезала она.

В этот момент в кабинет вихрем влетела Лилия Юсуповна, благоухая духами и энергией, способной запитать небольшой город. В руках она сжимала папку, которая подозрительно не соответствовала общему стилю служебной документации: ярко-розовые наклейки на ней явно не входили в реестр разрешённых канцелярских принадлежностей. Заметив Сашу, она замерла, драматически прикрыла рот ладонью и покачала головой, создавая атмосферу театральной постановки.

— Опять этот серый ужас! — воскликнула Лилия Юсуповна, подходя с другого фланга. — Саша, мы с Мариной Анатольевной полночи обсуждали твою стратегическую уязвимость на личном фронте. Этот свитер — это не броня, это противопехотная мина замедленного действия. Ни одна приличная девушка не подойдёт к тебе ближе, чем на расстояние пушечного выстрела, пока на тебе этот кокон из катышков и депрессии!

— Но мне в нём удобно работать! — почти простонал Саша.

— Удобно ему! — Лилия Юсуповна решительно выложила на стол свою папку. — Для работы у тебя есть халат и здравый смысл. А для жизни нам нужен результат. Ты понимаешь, что мы тут не просто так чай пьём? Мы занимаемся вопросами государственной важности — твоим семейным счастьем. Я даже завела специальный реестр, чтобы ничего не упустить.

Она торжественно открыла папку.

Внутри Саша увидел не графики поставок и не акты сверки, а аккуратно наклеенные фотографии, вырезки из соцсетей и краткие биографические справки, написанные каллиграфическим почерком Лилии Юсуповны. Это был «Реестр потенциальных невест», разделённый на категории по уровню допуска к Сашиному сердцу: «Технологи», «Экономисты», «Внешние контрагенты» и загадочная категория «Перспективные лаборантки». Под каждой фотографией стояли пометки: «Умеет печь блины», «Знает Excel на уровне эксперта», «Не боится военных».

— Это же безумие, — прошептал Саша, разглядывая страницу.

— Это системный подход, — поправила его Марина Анатольевна. — Мы не можем пустить такой важный процесс на самотёк. Вот, например, посмотри на позицию номер семь. Оленька из ОТК. Тихая, исполнительная, отец — полковник в отставке, понимает всю специ-

фику нашей службы. Но как я её к тебе подведу, если ты в этом... изделия? Она же подумает, что у нас в представительстве зарплату выдают ветошью!

Лилия Юсуповна активно закивала, листая страницы своего теневого архива.

— А вот эта? Светлана из бухгалтерии завода. Между прочим, она вчера спрашивала, кто у нас такой симпатичный, но грустный ходит в коридоре. Я хотела сказать, что это наш лучший инженер, но побоялась, что она разглядит твои локти на свитере и решит, что ты — жертва режима. Саша, мы завтра же идём в универмаг. Никаких отговорок, или я напишу служебную записку Майору о твоём несоответствии эстетическому облику сотрудника ВП!

— Вы не посмеете! — ужаснулся Завадский.

— Ещё как посмеет, — сурово подтвердила Марина Анатольевна. — И Шлаптева нас поддержит. Она вчера три часа подшивала твою личную карточку и ворчала, что на фото ты выглядишь как первокурсник, а в жизни — как дед, забытый в архиве. Нам нужна свежая кровь, новая номенклатура твоего гардероба. Ты — лицо технического отдела, Саша!

Разговор был прерван осторожным стуком в дверь.

В дверном проёме появилась молодая девушка в белом халате, накинутом поверх аккуратного платья. В руках она держала стопку протоколов испытаний и выглядела слегка смущённой обилием внимания, которое тут же переключилось на неё. Это была Катя, новая лаборантка из химической лаборатории завода, чьё имя в реестре Лилии Юсуповны было выделено тройным восклицательным знаком и пометкой «Срочно к рассмотрению».

— Здравствуйте, — тихо сказала она. — Я принесла результаты входного контроля по новой партии эмали. Мне сказали, что Александр Николаевич должен их заверить сегодня до обеда.

Дамы мгновенно переглянулись.

Лилия Юсуповна и Марина Анатольевна сработали слаженно, как расчёт зенитного комплекса. В одно мгновение папка с «невестами» исчезла под грудой чертежей, а лица женщин приобрели выражение крайней служебной озабоченности, смешанной с внезапно вспыхнувшим гостеприимством. Саша почувствовал, как воздух в кабинете наэлектризовался от их негласного заговора.

— Ой, Катенька, конечно! Проходите, деточка, не стойте в дверях, — пропела Лилия Юсуповна. — Александр Николаевич как раз очень ждал именно ваши протоколы. Он у нас такой ответственный, всё утро места себе не находил, всё спрашивал: «Где же наша замечательная лаборатория? Где же Екатерина?»

Саша покраснел до корней волос.

— Я такого не говорил, — буркнул он, пытаясь найти место на заваленном столе для её бумаг.

— Говорил, говорил, просто память у него девичья, вся в цифрах, — перебила его Марина Анатольевна, мягко подталкивая Катю к Сашиному столу. — Александр Николаевич у нас уникальный специалист. Но очень скромный. Вы присаживайтесь, Катя, проверять документы — дело небыстрое. Тут нужна тщательность, правда, Саша?

Она многозначительно взглянула на Сашу, давая понять, что процедура «проверки» должна затянуться как минимум до следующего ледникового периода.

— Да, тут... тут много страниц, — послушно отозвался Саша, принимая бумаги. — Нужно сверить каждый параметр. Температура вспышки, вязкость... Эту эмаль нельзя просто так принимать, она идёт на основной корпус. Катерина, вы присаживайтесь на стул, я сейчас всё посмотрю.

Лилия Юсуповна тут же подставила Кате стул, предварительно смахнув с него невидимую пылинку.

— Вы не торопитесь, Катенька. У нас тут в ВП порядок строгий. Александр Николаевич — бюрократ до мозга костей, он каждую запятую проверит. Пока он сверяет, может, чаю? У

нас и конфеты есть, Лилия Юсуповна вчера такие замечательные принесла, специально для важных гостей.

— Нет, спасибо, мне нужно возвращаться в лаб... — начала было Катя.

— Глупости! — отрезала Марина Анатольевна. — Без чая из нашего отдела никто не уходит. Это нарушение регламента гостеприимства. Саша, ну что ты застыл? Проверь тщательнее! Посмотри вот этот пункт про сухой остаток. Мне кажется, там цифра подозрительная. Перепроверь с самого начала, с титульного листа!

Саша послушно уткнулся в бумаги, хотя цифры прыгали у него перед глазами. Он понимал, что стал инструментом в руках великих комбинаторов женского пола. Марина Анатольевна и Лилия Юсуповна встали по обе стороны от Кати, словно почётный караул, и начали вести непринуждённую, но крайне дотошную беседу, выуживая из девушки информацию быстрее, чем Майор Игорь выуживал недостатки при инспекции.

— А вы, Катенька, давно на заводе? — ласково спросила Лилия Юсуповна.

— Второй месяц всего, — ответила девушка, косясь на Сашу, который делал вид, что изучает печать на документе через лупу.

— И как вам наш коллектив? — подхватила Марина Анатольевна. — Молодых специалистов у нас немного, всё больше старожилы. Вот Саша — один из самых перспективных. И, заметьте, совершенно свободен! Всё время работе отдаёт. Даже в выходные, бывает, придёт, обнимет свой любимый калькулятор и сидит, считает.

— Марина Анатольевна! — Саша задохнулся от возмущения.

— Что «Марина Анатольевна»? Я правду говорю! — она невозмутимо повернулась к Кате. — И характер у него золотой. Терпеливый. Другой бы на этот свитер уже давно плюнул, а он его бережёт, как память о первом чертеже. Верность — это редкое качество в наше время, не находите?

Катя смущённо улыбнулась, глядя на Сашин свитер.

— Он выглядит... уютным, — тихо произнесла она.

Лилия Юсуповна чуть не подпрыгнула на месте от восторга, а Марина Анатольевна победно взглянула на коллегу. Счёт в пользу Сашиного гардероба неожиданно вырос, хотя и по совершенно нелогичным причинам.

— Уютный — это правильное слово! — воскликнула Лилия Юсуповна. — Но Александр Николаевич как раз собирался его обновить. Завтра у него по плану полная модернизация имиджа. Саша, ты же помнишь про восьмую страницу протокола? Там, кажется, подпись начальника лаборатории не по ГОСТу поставлена. Перепроверь-ка ещё раз, очень внимательно. И сравни с прошлым месяцем!

Саша понял, что попал в бесконечный цикл.

Он листал одни и те же три страницы протокола уже в четвёртый раз, пока дамы выясняли у Кати её отношение к театру, домашним животным и умению готовить борщ. Катя, кажется, начала догадываться, что попала в ловушку «бюрократических диверсантов», но вежливость и врождённая скромность не позволяли ей просто встать и уйти. Она отвечала на вопросы, периодически поглядывая на Сашу, который в своём старом свитере сейчас напоминал несчастного зайца, окружённого двумя опытными лисицами.

— Вот, смотрите, Александр Николаевич, — Катя робко указала на строчку в документе. — Здесь вязкость по вискозиметру ВЗ-246 указана верно. Мы трижды перемеряли.

— Да-да, вижу, — пробормотал Саша, чувствуя, как его плечо случайно коснулось её плеча. — Очень точные измерения. Редко встретишь такую аккуратность в протоколах. Марина Анатольевна, я думаю, тут всё в порядке, можно подписывать.

— Не торопись, Саша! — хором воскликнули женщины.

— А как же приложение номер два? — строго спросила Марина Анатольевна. — Его нужно сверить с журналом регистрации. Лилия Юсуповна, деточка, сходи-ка в архив к Елене

Геннадьевне, принеси журнал за прошлый квартал. Пусть Саша всё сопоставит в присутствии представителя завода. Порядок есть порядок!

Лилия Юсуповна мгновенно выскочила из кабинета, по пути успев подмигнуть Саше.

Катя вздохнула и смиренно сложила руки на коленях. Саша чувствовал себя последним мерзавцем, но в то же время внутри него шевельнулось странное, давно забытое чувство азарта. В свете пыльных ламп технического отдела Катя выглядела удивительно настоящей и живой, совсем не похожей на сухие цифры в его реестрах. Даже запах её духов — лёгкий, цветочный — начал постепенно вытеснять привычный аромат машинного масла и старой бумаги.

— Извините их, — прошептал он, когда Марина Анатольевна на секунду отвернулась к шкафу. — Они у нас... очень заботливые.

— Я заметила, — так же тихо ответила Катя, и в её глазах промелькнули озорные искорки. — Но у вас здесь гораздо интереснее, чем на заводе.

Саша улыбнулся, и на этот раз его улыбка была искренней.

Он вдруг понял, что этот бесконечный рабочий день, полный дурацких свитеров, секретных реестров невест и навязчивой опеки коллег, на самом деле — самое лучшее, что могло с ним случиться в стенах 400-го ВП. И если для того, чтобы Катя посидела рядом ещё лишние десять минут, нужно было перепроверить все протоколы завода за последние пять лет, он был готов сделать это не раздумывая. За дверью послышался торжествующий смех Лилии Юсуповны и ворчание Шлаптевой — операция «Сватовство» входила в свою решающую фазу.

Когда в 400-м военном представительстве наступал полдень, строгие регламенты Министерства обороны временно капитулировали перед вековыми традициями обеденного перерыва. Большой кабинет, обычно заполненный шелестом чертежей и сухим стуком калькуляторов, мгновенно преображался в некое подобие аристократического клуба и восточного базара одновременно. Воздух здесь становился густым, пропитанным ароматом крепкого чая, овсяного печенья и едва уловимым запахом полированного дерева от старых игровых досок, которые видели ещё первых начальников этого славного учреждения. Это было время, когда человеческое общение окончательно побеждало бюрократию.

Война за гособоронзаказ взяла тактическую паузу.

В центре комнаты, на массивном столе, который помнил ещё сталинские нормы выработки, развернулось главное сражение дня. Здесь не было места цифровизации — только холодный расчёт и суровая мужская выдержка старой инженерной школы.

— Виктор Васильевич, ну какой конь на f6? Вы же ему всю пешечную структуру рушите! — вполголоса, но с явным надрывом прошептал Пересекоев.

Гудьянов, чьё лицо напоминало высеченную из гранита маску античного философа, даже не шелохнулся под этим натиском. Он медленно протянул руку, окутанную облаком пара от свежесваренного цейлонского чая, и осторожно коснулся фигуры. На него буквально нависала целая делегация экспертов: Кривцов потирал подбородок, Балиуллин нервно переминался с ноги на ногу, а Пошатаев делал пометки в каком-то старом блокноте, словно фиксировал историческое событие мирового масштаба. Весь этот коллективный разум сейчас пытался просчитать ходы Дмитрия Сысорова, который сидел напротив с видом абсолютно невозмутимым.

— Тише ты, стратег диванный, — наконец огрызнулся Гудьянов.

Сысоров в ответ лишь загадочно улыбнулся, постукивая пальцами по краю стола. Он знал, что психологическое давление — это половина успеха в любом производственном споре, особенно если на кону стоит репутация лучшего шахматиста технического отдела.

— Виктор Васильевич, вы ходите, не томите душу. У нас до конца перерыва всего двадцать минут осталось, а мне ещё нужно к Шлаптевой зайти, проверить, не оцифровала ли она там свои кактусы по приказу Майора.

В другом конце стола атмосфера была куда более шумной и динамичной, напоминая не тихую гавань интеллектуалов, а азартный притон в портовом городке. Здесь Шухин и Корзин втянули Александра Завадского в партию в нарды, и стук зариков о деревянную поверхность раздавался ритмично, словно пулёмётная очередь. Саша отчаянно бросал кости, надеясь, что этот шум и общая суэта создадут вокруг него надёжный кокон, способный защитить от неминуемого нападения «тяжёлой артиллерии» в лице Лилии Юсуповны и Марины Анатольевны.

Кости выпали удачно, но спасения не принесли.

— Опять куш! Саша, ты сегодня просто баловень судьбы, — хохотнул Корзин, двигая фишки.

— Это он от страха так метко кидает, — подмигнул Шухин. — Чует, что охота на него уже началась. Гляди, Александр, враг на горизонте, и он вооружён розовыми папками.

Марина Анатольевна и Лилия Юсуповна появились в кабинете не просто так — они вошли с грацией инспекторов, обнаруживших критический дефект в серийном изделии. Их взгляды мгновенно сфокусировались на Завадском, который в этот момент попытался спрятаться за спину Шухина, внезапно проявив недюжинный интерес к положению дел на доске. В руках Лилии Юсуповны по-прежнему была та самая папка с реестром невест, которая теперь казалась Саше страшнее любого дисциплинарного взыскания от Майора Игоря, ведь от Майора можно было спрятаться в архиве, а от этих дам — нигде.

— Ну что, Сашенька, зарики бросаем? — ласково спросила Лилия Юсуповна, подходя вплотную.

— Да вот, отдыхаем немного... — пролепетал он.

— Отдыхать будешь в декретном отпуске, — отрезала Марина Анатольевна, поправляя очки. — Давай, выкладывай всё как на духу. Мы же видели, как Катенька выходила. Она не просто ушла, она буквально выпорхнула! И щёки у неё были такого цвета, будто она не эмаль проверяла, а как минимум дегустировала чистый спирт.

Завадский почувствовал, как у него самого начинают пылать уши, и этот термический процесс был замечен даже на расстоянии. Он попытался сосредоточиться на игре, но цифры на кубиках расплывались, превращаясь в маленькие насмешливые рожицы. Коллеги-мужчины, почувствовав запах «жареного», тут же притихли, стараясь не привлекать внимания, но при этом навести уши так сильно, что, казалось, они могли уловить шёпот в другом конце коридора. Операция «Сватовство» была делом коллективным, и никто не хотел пропускать свежие подробности.

— Она просто приносила протоколы, — попытался оправдаться Саша.

— Протоколы приносят с суровым лицом, — парировала Лилия Юсуповна, доставая из папки карандаш. — А она улыбалась. И ты, между прочим, ей улыбался в ответ, несмотря на свой этот жуткий серый свитер. Мы с Мариной Анатольевной уже внесли её в реестр под первым номером в категории «Особо перспективные». Рассказывай: о чём говорили, когда мы вышли? Она спрашивала про твою зарплату или сразу про наличие жилплощади?

Саша зажмурился, представляя, как этот разговор сейчас анализируется всеми присутствующими. Шахматисты в своём углу даже перестали спорить о ходе конём, и Сысеров, кажется, вовсе забыл о своей партии, внимательно наблюдая за тем, как краснеет молодой инженер. В Большом кабинете повисла такая тишина, что было слышно, как в коридоре Шлаптева яростно ставит печать на очередной папке, словно ставя точку в этом нелепом допросе.

— Мы говорили о вязкости по вискозиметру ВЗ-246! — почти выкрикнул Саша.

— Какая прелесть, — вздохнула Марина Анатольевна. — Романтика технического отдела. Лилия, запиши: «Начали с вязкости». Это хороший знак, значит, есть база для долгосрочного сцепления характеров. А про театр ты её спросил? Мы же договаривались, что ты закинешь удочку про билеты на субботу.

— Я забыл! У нас там в приложении номер два была ошибка в цифрах, я всё время об этом думал, — Саша схватил зарики и с такой силой бросил их на доску, что один из них улетел под стол.

Шухин нырнул под стол, явно не желая упускать продолжение комедии, а Корзин сочувственно похлопал Сашу по плечу. Лилия Юсуповна тем временем что-то быстро строчила в своей папке, периодически сверяясь с какими-то только ей понятными графиками. Она выглядела как верховный главнокомандующий, разрабатывающий план решающего наступления, где Саша был одновременно и главным призом, и единственным препятствием на пути к победе.

— «Забыл» — это не оправдание, это служебная халатность, — строго заметила Лилия.

— Тише вы, женщины! — подал голос Гудьянов из своего угла. — Вы нам всю позицию сбиваете своими разговорами про вязкость и театры. У нас тут цугцванг назревает, а вы со своим реестром лезете. Дмитрий Владимирович, вы ходить будете или мне уснуть над этой доской?

Сысеров Дмитрий медленно передвинул ладью, не сводя глаз с Марины Анатольевны, которая уже открыла рот, чтобы ответить ветерану шахматного движения. В 400-м ВП существовал негласный паритет сил: экономисты могли шуметь, сколько угодно, но когда дело касалось шахматной тишины, даже они иногда притормаживали. Однако сегодня азарт сватовства был слишком велик, чтобы просто так отступить перед какой-то там ладьёй на d4.

— Цугцванг у вас в головах, Виктор Васильевич, — фыркнула Марина Анатольевна.

— Мы тут делом заняты, — добавила Лилия Юсуповна. — Мы демографическую ситуацию в отдельно взятом представительстве выправляем. Саша, посмотри на меня. Ты понимаешь, что Катя — это твой шанс выйти из этой серой зоны одиночества прямо в светлое будущее с домашними пирожками?

Саша посмотрел на Лилию Юсуповну с таким видом, будто она предлагала ему добровольно пойти на оцифровку архива без права на реабилитацию.

— Она сказала, что мой свитер уютный, — буркнул он, надеясь, что это их успокоит.

Эффект превзошёл все ожидания: Лилия Юсуповна выронила карандаш, а Марина Анатольевна победно всплеснула руками.

— Уютный! Слышишь, Лиля? Это же прямое попадание в десятку! — зашептала Марина Анатольевна. — Она уже готова его жалеть, а от жалости до загса у нас в стране ровно три месяца и один совместный отпуск. Всё, реестр закрываем на сегодня, кандидатура утверждена. Теперь нам нужен план по захвату её внимания на следующей неделе.

— Может, всё-таки вернёмся к нардам? — с надеждой спросил Саша.

— Играй, играй, жених, — милостиво разрешила Лилия Юсуповна, закрывая свою папку. — Но помни: завтра мы ждём полный отчёт о том, как ты случайно встретил её у входа на завод. И не забудь про новую рубашку, мы её тебе уже присмотрели в каталоге, она цвета «морской волны», как раз под твои глаза и её халат.

Дамы удалились с чувством выполненного долга, оставив после себя шлейф дорогих духов и лёгкое ощущение надвигающейся катастрофы. В Большом кабинете снова воцарилась относительная тишина, нарушаемая лишь редким стуком фигур и тяжёлыми вздохами Саши. Шахматисты, удовлетворив своё любопытство, вернулись к анализу партии, хотя было видно, что мысли их теперь блуждали далеко от чёрно-белых клеток.

— Попал ты, парень, — тихо сказал Корзин, бросая кубики.

— Это точно, — согласился Шухин. — Против нашего экономического отдела даже Майор со своими реформами не выстоит. Они если решили тебя женить, то женят, даже если ты в это время будешь в командировке на Северном полюсе. У них там в реестре всё схвачено, от колец до меню в столовой.

Саша ничего не ответил, он просто смотрел на доску для нарда, где фишки выстроились в ряд, словно солдаты на параде. Он вдруг подумал, что Катя действительно выглядела очень

мило в том белом халате, и, возможно, этот хаос, созданный его коллегами, был не таким уж и плохим. В конце концов, в этом странном мире 400-го ВП, где цифровизация боролась с архивным шилом, именно такие нелепые ситуации делали их жизнь по-настоящему живой и тёплой.

— Мат! — вдруг рявкнул Гудьянов на весь кабинет.

Сысеров вздрогнул и уставился на доску, не понимая, как он пропустил удар. Спектакль в исполнении «свах» всё-таки сделал своё дело — даже старый лис Дмитрий Владимирович потерял концентрацию, заслушавшись историей про вязкость и уютные свитера. Сысеров поспешил удалиться для перекура. Весь кабинет взорвался хохотом, и даже Саша не выдержал и улыбнулся, глядя на озадаченное лицо своего зама. Обед подходил к концу, оставляя после себя приятное послевкусие коллективного заговора и предвкушение новых, ещё более абсурдных событий.

Илья Пересеков осторожно прикрыл за собой дверь Большого кабинета, стараясь не привлекать внимания шахматных стратегов и, что гораздо важнее, «свадебного десанта». Коридор 400-го военного представительства встретил его привычным шелестом бумаг и запахом казенной пыли, но цель Ильи лежала далеко за пределами этих стен. Он чувствовал, что еще пара минут обсуждения вязкости эмали и цвета мужских рубашек, и его собственный мозг превратится в кисель. Чтобы сохранить остатки душевного равновесия и избежать участи следующего кандидата в «реестр невест», Илье требовалось немедленное тактическое отступление в самое безопасное и одновременно самое информированное место на территории завода — в курилку.

Путь к свободе лежал через проходную.

Миновав пост дежурного, где Нашуменко уже успел доесть свое печенье и теперь сосредоточенно изучал потолок, Илья выбрался на свежий воздух. Здесь, за углом сборочного цеха, располагался теневой штаб, скрытый от глаз Майора Игоря и вездесущих дам. Это была небольшая площадка, накрытая покосившимся шиферным навесом, который за десятилетия службы пропитался запахом «Примы», крепкого флотского табака и мазута. На старой скамье, сваренной из остатков арматуры, восседал Дмитрий Владимирович Сысеров, окутанный облаком сизого дыма, словно античный бог, вещающий среди тумана.

— О, Пересеков, — прогудел Сысеров, не оборачиваясь. — Опять за порцией пассивного курения пришел или новости с фронта принес?

Илья молча кивнул и извлек из кармана заветную пачку леденцов «Дюшес».

Это был его входной билет в мир суровых мужских разговоров. Не имея вредной привычки, Илья быстро понял, что в курилке решается больше вопросов, чем на любых официальных совещаниях, и чтобы не выглядеть здесь чужаком, он разработал стратегию «сладкого прикрытия». Пока остальные затягивались никотином, Пересеков методично разворачивал шуршащие фантики, создавая вокруг себя ауру глубокой сосредоточенности. Леденцы служили ему оправданием присутствия и одновременно средством борьбы со стрессом, который в последнее время в ВП нарастал как снежный ком из-за цифровых инициатив Майора.

— Угощайтесь, Дмитрий Владимирович, — предложил Илья, протягивая открытую пачку.

— Спасибо, Илья, но мне бы сейчас чего-нибудь покрепче, чем твои барбариски, — хмыкнул замначальника, но конфету все же взял. — Тут цеховые опять пытаются нам впарить партию с сомнительными допусками. Мастер цеха номер пять, Петрович, клянется, что станок не виноват, это, мол, климат в цеху поменялся. Видишь ли, влажность у них не по ГОСТу, поэтому и деталь «гуляет».

В этот момент к курилке подошли двое мужчин в засаленных синих халатах — те самые цеховые мастера.

Их вид выражал крайнюю степень производственной скорби, смешанной с готовностью стоять за свою правоту до последнего патрона. Петрович, грузный мужчина с лицом цвета хорошо прожаренного кирпича, сразу перешел в наступление, размахивая какими-то заляпанными маслом чертежами. Его напарник, более молодой и юркий, нервно поддакивал, заглядывая в глаза Сысерову. Было очевидно, что конфликт затянулся и требует немедленного вмешательства «верховного арбитра», коим в этой экосистеме всегда выступал Дмитрий Александрович, обладавший уникальным даром переводить мат на технический язык и обратно.

— Дмитрий Владимирович, ну ты пойми, — забасил Петрович, нервно прикуривая. — Мы эту партию три дня выхаживали, как младенцев. Ну, ушло там на полмикрона, так это ж на эксплуатацию не влияет! Мы проверили, клянусь соседским гаражом.

— Полгода назад ты клялся тещиной дачей, Петрович, — спокойно ответил Сысеров, выпуская идеальное кольцо дыма. — И что в итоге? Возврат всей серии.

— Так тогда инструмент был тупой! — вскинулся мастер.

Сысеров медленно повернул голову к Петровичу, и в его взгляде отразилась вся мудрость поколений военных представительств, видевших и не такие оправдания. Он не стал повышать голос, напротив, его тон стал почти отеческим, что обычно предвещало либо окончательный разгром, либо гениальное компромиссное решение. Илья замер с леденцом за щекой, стараясь не пропустить ни слова из этой импровизированной лекции по управлению производственными рисками, которая в официальных учебниках точно не значилась.

— Послушай меня, дорогой мой человек, — вкрадчиво начал Сысеров. — Полмикрона здесь, полмикрона там — и в итоге ракета летит не в цель, а к твоей теще на дачу, которую ты так бережешь. Ты мне эти сказки про влажность брось. Иди, перенастраивай суппорт и зови контролера. Если завтра к десяти утра не будет чистого замера, я лично оформлю брак на всю партию. И Майор твой новый, Игорь Никитич, очень обрадуется первому громкому делу об оцифровке твоих убытков.

Петрович заметно сник, осознав, что угроза упоминанием Майора — это уже не просто шутки.

Он проворчал что-то нечленораздельное, бросил окурок в ржавую урну и, махнув рукой напарнику, побрел обратно в сторону цеха. Его спина выражала глубокую обиду на мировую несправедливость и лично на Дмитрия Сысерова, который не пожелал войти в положение трудового народа. Курилка на мгновение опустела, если не считать Илью и Сысерова, который, казалось, мгновенно забыл о производственном споре и теперь с интересом поглядывал на Пересекова, ожидая новостей из «цитадели».

— Ну, выкладывай, шпион, — подмигнул Дмитрий Владимирович. — Что там наши амазонки задумали?

Илья вздохнул, потирая виски, и начал свой доклад, понизив голос до заговорщицкого шепота.

— Ситуация критическая, товарищ подполковник. Марина Анатольевна и Лилия Юсуповна окончательно утвердили Катю как основную цель. Сашу Завадского в Большом кабинете буквально зажали в угол. Они уже обсуждают меню на свадьбу и цвет его выходной рубашки. Лилия Юсуповна даже какой-то розовый реестр завела, где Саша идет под первым номером, а остальные, боюсь, в очереди. Завадский там сейчас в нарды играет, но руки у него трясутся так, что зарики постоянно улетают под стол.

Сысеров не выдержал и расхохотался, да так громко, что пара воробьев, сидевших на навесе, испуганно взмыли в небо.

Его смех, густой и раскатистый, разнесся по промышленной зоне, вызывая недоуменные взгляды проходящих мимо рабочих. В этом смехе была и жалость к бедному Завадскому, и восхищение неукротимой энергией экономического отдела, который умудрялся заниматься сватовством даже в условиях жесткого гособоронзаказа и тотальной проверки со стороны нового

начальника. Илья же чувствовал себя настоящим двойным агентом, который, спасая свою шкуру, сливает информацию о передвижениях «противника».

— Бедный парень, — отсмеявшись, выдавил Сысеров. — Попал под каток женской заботы.

В этот момент дверь цеха распахнулась, и на площадку буквально вывалился Александр Завадский.

Вид у него был такой, будто он только что совершил побег из плена, проползая через минные поля и колючую проволоку. Галстук съехал набок, очки запотели, а в руках он судорожно сжимал какую-то техническую документацию, которая служила ему щитом. Увидев Илью и Сысерева, Саша облегченно выдохнул и прислонился к холодной стене цеха, пытаясь восстановить дыхание и привести в порядок растрепанные чувства.

— Они... они везде, — прошептал Саша, озираясь по сторонам. — Лилия Юсуповна уже спрашивала, какой размер обуви у моей мамы.

— Спокойно, инженер, — Сысеров похлопал Сашу по плечу, едва сдерживая новую волну смеха. — Здесь ты в безопасности. Под этим навесом действует экстерриториальность. Считай, что ты в нейтральных водах.

— Дмитрий Владимирович, сделайте что-нибудь! — взмолился Завадский. — Отправьте меня в командировку на полигон, на север, куда угодно! Там хотя бы только медведи и радиация, они не пытаются меня женить на лаборантках!

Сысеров посмотрел на Сашу с глубоким сочувствием, которое, впрочем, не мешало ему продолжать иронизировать.

Он понимал, что для молодого специалиста внимание таких гранд-дам, как Лилия и Марина, — это испытание похлеще любой проверки качества. В 400-м ВП личная жизнь сотрудников всегда была предметом общественного достояния, и если коллективный разум решил, что тебе пора обзавестись семьей, сопротивляться было практически бесполезно. Это была особая форма производственной дисциплины, направленная на укрепление тылов и повышение лояльности к родному ведомству.

— Эх, Саня, — вздохнул Сысеров. — Ты пойми: от нашего женотдела даже бетонные перекрытия не спасают.

— Но почему я? — почти простонал Саша.

— Потому что ты — идеальный объект для инвестиций, — вставил Илья, отправляя в рот новый леденец. — Молодой, перспективный, в чертежах разбираешься. В их реестре ты — актив категории «А». А Катя — это, судя по всему, способ диверсификации рисков. Они же хотят как лучше, чтобы ты был сыт, выглажен и присмотрен.

Завадский уныло посмотрел на свои ботинки, осознавая всю глубину своего падения в глазах женского отдела.

Сысеров тем временем докурил и аккуратно затушил сигарету. Он выглядел как человек, принявший важное стратегическое решение. Курилка постепенно наполнялась другими сотрудниками, привлеченными запахом перерыва и возможностью узнать последние слухи. Илья заметил, как из-за угла выглянул Шухин, который, видимо, тоже решил сменить обстановку, осознав, что в ВП сегодня слишком беспокойно. Атмосфера была пропитана мужской солидарностью и легким ароматом дешевой карамели.

— Слушай сюда, Завадский, — Сысеров выпрямился, принимая официальный вид. — Пока Майор занят своей цифровизацией и оцифровкой кактусов Шлаптевой, у тебя есть шанс затеряться в архиве. Елена Геннадьевна барышень из эконома не жалует, у них там давняя война за право обладания последними запасами канцелярских скрепок. Спрячешься за стеллажами, скажешь, что помогаешь ей оцифровывать номенклатуру за семьдесят пятый год. Туда они точно не сунутся.

Саша заметно воодушевился, в его глазах вспыхнул огонек надежды.

— Вы думаете, поможет? — с надеждой спросил он.

— Гарантирую, — подтвердил Сысеров. — Шлаптева — это бастион. Если она тебя под свое крыло возьмет, даже Лилия Юсуповна отступит. Главное — не трогай ее кактусы и не вздумай предлагать ей заменить бумажные папки на электронные таблицы. Иначе она тебя сама в этот реестр впишет, только уже в качестве штрафника.

Илья наблюдал за этой сценой и понимал: вот она, истинная жизнь 400-го ВП.

Здесь, под ржавым навесом, среди клубов дыма и оберток от конфет, ковались судьбы и разрабатывались планы спасения. Чтобы выжить в этой системе и не стать очередной жертвой «свадебного десанта» или цифровой лихорадки Майора, нужно было обладать не только профессиональными знаниями, но и недюжинной житейской смекалкой. Курилка была тем самым местом, где слухи превращались в стратегию, а личные драмы — в повод для доброй шутки. Илья Пересеков почувствовал, что теперь он окончательно готов к любым неожиданностям, которые может принести этот рабочий день.

Он развернул последний леденец и посмотрел на часы.

Перерыв подходил к концу, и пора было возвращаться в здание, где за каждым углом могла подстергать либо новая инструкция от Майора, либо очередная кандидатка в невесты. Но теперь у него была информация, а информация в 400-м ВП ценилась дороже любых материальных ресурсов. Илья знал, что скоро в представительстве начнется нечто новое — он слышал краем уха, как девочки из МЗК шептались о какой-то тайной закупке. Но это была уже совсем другая история, к которой нужно было подготовиться со всей серьезностью.

— Ну что, по коням? — скомандовал Сысеров, направляясь к выходу из курилки.

Саша и Илья последовали за ним, чувствуя себя частью единого механизма.

Идя по территории завода, Илья вдыхал прохладный воздух, смешанный с запахом металла, и думал о том, что, несмотря на всю бюрократию и странности коллег, он ни за что не променял бы это место на скучный современный офис. Здесь каждый день был маленьким сражением за здравый смысл, приправленным юмором и человеческим теплом. И пока в кармане есть запас леденцов, а в курилке — верные товарищи, любые реформы Майора и планы Лилии Юсуповны казались лишь досадными помехами на пути к настоящей трудовой гармонии.

— А рубашку цвета морской волны я бы на твоём месте все-таки примерил, Саня, — вдруг бросил через плечо Сысеров.

— Дмитрий Владимирович! — возмущенно воскликнул Завадский.

Илья лишь тихо рассмеялся, понимая, что шоу в 400-м ВП только начинается.

Глава 3 Съедобный беспредел

В недрах 400-го военного представительства, где каждый шорох регламентирован, а каждый вздох задокументирован, назревал тихий бунт. Всё началось с того, что Лилия Юсуповна, чей энергетический потенциал мог бы питать небольшой заводской цех, пронесла мимо дежурного подозрительную коробку. Марина Анатольевна и Юлия Александровна уже ждали её в кабинете МЗК, который по совместительству служил и кухней, и штабом самых смелых бытовых инициатив. После череды мелких заказов с маркетплейсов — то салфетки с кружевом, то вазочка в стиле ампира — дамы решились на тяжелую артиллерию. В коробке, обернутой в три слоя пупырчатой пленки, скрывалась компактная, но мощная электрическая плитка с двумя конфорками, символ домашнего уюта в царстве гособоронзаказа.

Маленькая плитка — большие перемены.

Марина Анатольевна торжественно водрузила агрегат на край стола, подальше от кип накладных и поближе к вытяжному отверстию. В её глазах светился азарт первооткрывателя, решившего приручить дикую стихию электричества ради высшей цели. Лилия Юсуповна тем временем уже извлекала из сумки пакеты с мукой, домашнее сливочное масло и заботливо упакованную в контейнеры начинку для будущих шедевров.

— Лиль, вы уверены, что проводка выдержит? — шепотом спросила Юлия Александровна, озираясь на дверь. — Если выбьет пробки во время обсчета номенклатуры, Майор нас оцифрует прямо вместе с этой плиткой.

— Юль, в этом здании проводка видела еще запуск первого спутника, — отмахнулась Лилия Юсуповна, ловко включая прибор в розетку. — Она закалена десятилетиями работы советских обогревателей. А Майор... Майор сейчас занят своими плашечками и графиками. Главное — работать быстро и слаженно, как при приемке ответственного узла.

Идея была проста и гениальна в своей дерзости: устроить коллективный обед, который напомнил бы суровым мужчинам в мундирах о том, что они прежде всего люди. План «Блины» вступил в активную фазу. Пока Юля замешивала тесто, Марина Анатольевна готовила сковородки, смазывая их тонким слоем масла с такой тщательностью, будто наносила антикоррозийное покрытие на детали высшей категории точности. Воздух в тесной кухоньке начал постепенно прогреваться, приобретая едва уловимый, но чертовски соблазнительный аромат домашней выпечки.

Спецоперация началась.

Тем временем в коридоре, у самого порога кабинета Майора Игоря Никитича, заступил на вахту Илья Анатольевич. Его задачей было не допустить внезапного выхода начальства в сторону кухни, а в случае опасности — поднять тревогу. Илья чувствовал себя диверсантом в тылу врага, чье оружие — не автомат, а безграничная фантазия и знание бюрократических слабостей руководителя. Илью Анатольевича подкупили двойной порцией блинов и он просто не мог подвести. Он нервно поправлял ворот, прислушиваясь к шипению масла за стеной и понимая, что запах блинов распространяется по коридору со скоростью звука.

— Товарищ Майор! — бодро воскликнул Илья, едва дверь кабинета приоткрылась. — Разрешите обратиться по крайне срочному и неотложному вопросу общегосударственного значения!

Игорь Никитич замер в дверном проеме, сжимая в руках свой неизменный планшет. Его брови поползли вверх, выражая крайнюю степень недоумения, смешанную с подозрением. Он еще не уловил запах, но странная суета и подозрительно прямой взгляд Ильи наводили на мысли о том, что в представительстве снова что-то идет не по уставу. Майор привык к дисциплине, но этот коллектив обладал уникальной способностью превращать любую военную структуру в подобие одесского дворика.

— Илья Анатольевич, что за крики? — сухо спросил Майор. — У вас горит выполнение плана или просто избыток энергии?

— Горит, Игорь Никитич! Буквально плавится! — Илья сделал шаг вперед, перекрывая Майору обзор на коридор. — Я подготовил аналитический доклад о критическом износе канцелярских скрепок в третьем квартале. Мы на грани технического коллапса. Если мы не пересмотрим номенклатуру закупаемых метизов для скрепления бумаг, то архив Елены Геннадьевны просто рассыплется на атомы под тяжестью собственного веса. Понимаете, усталость металла!

Майор на мгновение лишился дара речи.

— Скрепки? Усталость металла в скрепках? — переспросил он, щурясь. — Пересеков, вы в своем уме? Я тут оцифровкой занимаюсь, создаю единую базу данных, а вы мне про проволоочки за две копейки рассказываете?

— Именно в деталях кроется дьявол и успех гособоронзаказа! — Илья вошел в раж, размахивая руками. — Вот вы знаете, что стандартная скрепка рассчитана всего на пять циклов разгибания-сгибания? А у нас некоторые папки перешиваются по десять раз. Я провел эксперимент, замерял микрометром толщину среза... Там такие деформации, Игорь Никитич, что никакой сервер не спасет, если документ просто выпадет из дела в шредер!

Пока Илья самоотверженно нес околесицу, в МЗК ситуация накалялась в буквальном смысле. Первая партия блинов удалась на славу, но стоило Марине Анатольевне приступить к жарке второй партии, как над сковородкой поднялся густой белый дым. Это была плата за скорость и высокую температуру плитки. Вытяжка, помнившая еще Хрущева, натужно загнула, но не справилась с объемом. Тонкая струйка сизого дыма поползла к потолку, прямо к датчику пожарной сигнализации, который угрожающе подмигивал красным глазом.

— Дым! Юля, открывай окно! — скомандовала Лилия Юсуповна, хватая первое попавшееся полотенце.

— Нельзя окно, сквозняк запах по всему заводу разнесет! — возразила Марина Анатольевна. — Все поймут, что мы тут не отчеты пишем!

В этот критический момент дверь кухни распахнулась, и в нее ввалились военные из большого кабинета и даже Елена Геннадьевна Шлаптева. Увидев угрозу пожарной тревоги, коллектив сработал с четкостью швейцарских часов. Никто не задавал вопросов, никто не паниковал. Пошатаев, мгновенно оценив траекторию движения дыма, выхватил из-под мышки две тяжелые архивные папки в синих переплетах.

— Отойди, мать! — крикнул он Лиле голосом, перед которым пасовали даже генералы. — Машем синхронно, от датчика к окну, но форточку только на щель!

И началось невероятное зрелище. Весь отдел, вооружившись папками с грифом «Для служебного пользования», начал ритмично разгонять дым. Это напоминало странный языческий танец вокруг алтаря, на котором шкварчали золотистые блины. Сысеров, заглянувший на запах, встал на стул и своим мощным торсом создавал направленные воздушные потоки. Шахматисты использовали тактику «коротких рокировок», перенаправляя излишки тепла в сторону открытого коридора, где Пересеков всё еще героически сражался с Майором.

— ...и поэтому, Игорь Никитич, я предлагаю ввести электронный учет каждой скрепки! — продолжал Илья, чувствуя, что за его спиной разворачивается аэродинамическая битва. — С присвоением индивидуального QR-кода каждой проволочке!

Майор Игорь принимался. Его ноздри мелко затрепетали. Сквозь бред о скрепках и QR-кодах пробился запах, который невозможно было спутать ни с чем. Это был запах жареного теста, топленого масла и чего-то бесконечно уютного, домашнего, абсолютно несовместимого с уставом внутренней службы. Он медленно отодвинул Илью плечом и двинулся по коридору, ведомый этим древним, как человечество, инстинктом.

— Так, — произнес Майор, останавливаясь у двери МЗК.

В комнате мгновенно воцарилась тишина. Сысеров замер на стуле с поднятой папкой, Марина Анатольевна прикрыла собой плитку, как боевое знамя, а Лилия Юсуповна, не растерявшись, выставила вперед тарелку с самой пышной стопкой блинов. Дым, испугавшись авторитета начальника, послушно втянулся в приоткрытую форточку. Атмосфера была настолько напряженной, что казалось, сейчас последует приказ о расформировании всего личного состава.

— Значит, оцифровка скрепок, говорите? — Майор обвел взглядом присутствующих. — Использование архивных дел в качестве вентиляционного оборудования? Нарушение правил пожарной безопасности в особо крупных размерах?

— Игорь Никитич, мы просто... — начала было Марина Анатольевна, но замолчала, увидев, как Майор медленно снимает фуражку.

Он прошел вглубь кухни, сел на единственный свободный табурет и внимательно посмотрел на золотистый край блина. Все затаили дыхание. В этот момент решалась судьба не просто плитки, а всего того неформального духа, который делал 400-е ВП живым организмом, а не сухой канцелярией. Игорь Никитич взял блин, свернул его в аккуратную трубочку и откусил. Тишина стала такой звенящей, что было слышно, как в коридоре капает вода из крана.

— С курицей? — коротко спросил он.

— С курицей, рисом и пассерованным лучком, Игорь Никитич, — дрожащим голосом ответила Марина Анатольевна. — Самый сок.

Майор прожевал, закрыл глаза на секунду и вдруг как-то обмяк. Его лицо, обычно напоминающее маску строгого контролера, разгладилось. Он посмотрел на притихших сотрудников — на перепуганную Юлю, на решительную Шлаптеву, на тяжело дышащего Сысерева — и неожиданно для всех усмехнулся. Это была не ироничная ухмылка, а теплая, почти человеческая улыбка мужчины, который внезапно вспомнил, что дома его тоже ждут такие же запахи.

— Сытый коллектив — залог качественной приемки гособоронзаказа, — изрек он, беря второй блин. — Но чтобы через десять минут никакого дыма. И плитку... плитку спрятать в сейф к Елене Геннадьевне. Там её никакой пожарный инспектор не найдет.

— Есть спрятать в сейф! — хором ответили сотрудники.

Напряжение спало, сменившись радостным гомоном. Лилия Юсуповна тут же налила Майору чаю в его любимую кружку, Марина Анатольевна подложила еще блинов, а Илья Анатольевич, вытирая пот со лба, присел на подоконник. Спецоперация увенчалась полным успехом: бастион был взят не силой, а вкусом. В этот момент Майор Игорь окончательно перестал быть «новым начальником» и стал частью семьи, где даже самые строгие правила пасуют перед ароматом домашней еды.

— А про скрепки забудьте, Пересеков, — добавил Майор, запивая блин чаем. — Иначе я заставлю вас реально их оцифровывать.

Илья только весело кивнул, пододвигая двойную порцию блинов поближе к себе. В коридорах 400-го ВП снова воцарился мир, а старая плитка, теперь уже официально признанная «объектом стратегического значения», заняла свое почетное место в архивном сейфе Шлаптевой, ожидая следующего кулинарного прорыва. Бюрократия на время отступила, признав поражение перед теплом человеческих сердец и парой сковородок с домашними блинами.

В коридорах 400-го военного представительства царила странная, почти мистическая атмосфера. После недавнего триумфа с блинами, который временно примирил Майора Игоря с неформальными кулинарными традициями коллектива, в отделе завелось нечто необъяснимое. Это «нечто» обладало поразительным аппетитом и скоростью реакции, которой позавидовал бы любой перехватчик ПВО. Проблема заключалась в том, что с общего стола кухни стали исчезать любые съедобные объекты, едва их касался воздух.

Последняя «пожухшая печенюшка» испарилась.

Марина Анатольевна замерла над пустой тарелкой, на которой еще минуту назад сиротливо лежал подсохший овсяный кругляш. Она специально оставила его «на потом», чтобы запить горький чай после заполнения очередной ведомости. Но реальность оказалась суровой: на белом фарфоре осталась лишь пара жалких крошек. Лицо Марины Анатольевны выражало такую гамму чувств, будто у неё только что украли не печенье, а годовой отчет о выполнении гособоронзаказа.

— Илья, это уже переходит все границы! — воскликнула она, оборачиваясь к Пересекову.

Илья Анатольевич, который в этот момент пытался незаметно выудить из кармана мятный леденец, вздрогнул. Он прекрасно понимал возмущение коллеги, так как сам утром лишился половины шоколадного батончика, неосторожно оставленного рядом с чайником на время телефонного разговора. В 400-м ВП действовал негласный «закон десяти минут», но теперь время сократилось до секунд.

— Это не просто голод, Марина Анатольевна. Это аномалия, — серьезно ответил Илья.

Он подошел к столу и подозрительно осмотрел чистую поверхность, словно искал отпечатки пальцев невидимки. Ситуация требовала решительных мер, иначе к концу недели сотрудники начнут покушаться на кактусы Елены Геннадьевны. Пересеков, как человек, склонный к аналитике и обожающий шпионские игры, почувствовал, что настал его звездный час.

— Мы устроим засаду, — прошептал он.

Марина Анатольевна сначала хотела возразить, вспомнив о куче неразобранных бумаг, но праведный гнев перевесил бюрократическую сознательность. Они быстро разработали план перехвата. Коридор у кабинета МЗК был идеальным местом для наблюдения: через приоткрытую дверь просматривался и вход от дежурного, и путь из технических отделов. В качестве оперативного штаба был выбран угол за массивным шкафом, где хранились запасные комплекты формы и старые плакаты по технике безопасности.

Началась операция «Кухонный призрак».

Илья вооружился своим любимым блокнотом в кожаном переплете и старым советским секундомером, который он когда-то выменял у Януковского. Марина Анатольевна, для конспирации прихватив папку с надписью «Секретно» (в которой на самом деле лежали рецепты пирогов), заняла позицию рядом. Они замерли, превратившись в слух и зрение, готовые фиксировать малейшее движение в сторону заветного стола.

— Время пошло. Десять ноль пять, — зафиксировал Илья в блокноте.

Первым в поле зрения «детективов» попал Анатолий Нашуменко. Он двигался медленно, словно во сне, покачивая пустой кружкой. Его взгляд был устремлен куда-то в бесконечность, мимо реальности и номенклатурных справочников. Анатолий подошел к чайнику, нажал на кнопку и, дождавшись закипания, налил воды, после чего так же меланхолично удалился. При этом он даже не взглянул на стол, где Илья предусмотрительно выложил «приманку» — три сушки, связанные ниточкой.

— Первый подозреваемый чист. Слишком сонный для призрака, — прошептала Марина Анатольевна.

— Не факт, — парировал Илья. — Сонливость может быть отличной маскировкой для опытного рецидивиста.

Следом за Нашуменко в коридоре показалась группа «шахматистов». Виктор Васильевич Гудьянов и Дмитрий Сысеров жарко спорили о какой-то технической детали, размахивая руками. Они зашли на кухню за водой, продолжая дискуссию о допусках и посадках. Илья напрягся, рука с секундомером задрожала. Шахматисты славились своей способностью поглощать пищу в промышленных масштабах, не прерывая мыслительного процесса.

— Я тебе говорю, Дима, там зазор в два микрона! — гремел Гудьянов.

— Да хоть в три! — Сысеров машинально протянул руку к столу, но Илья заметил, как в последний момент Дмитрий передумал, так как обе руки были заняты жестикуляцией. Они ушли, оставив после себя лишь запах табака и ощущение незавершенного спора. Сушки остались на месте, нетронутые и гордые своей миссией.

— Странно. Даже вечно голодные инженеры прошли мимо, — Илья сделал пометку.

— Может, призрак чует слежку? — предположила Марина Анатольевна, нервно поправляя причёску.

Обстановка накалялась. Мимо наблюдательного пункта пронеслась Лилия Юсуповна, озабоченная поиском какой-то важной печати. Она влетела в МЗК, на ходу поправила салфетку на столе, что-то быстро пробормотала себе под нос и выскочила обратно. Пересеклов едва успел нажать на кнопку секундомера. Лилия была слишком шумной и заметной, чтобы быть таинственным похитителем, действующим под покровом тишины.

Засада длилась уже сорок минут.

Вдруг со стороны кабинета начальника послышались размеренные шаги. Майор Игорь Никитич шел по коридору, не отрываясь от своего планшета, который стал его верным спутником в деле цифровизации. Он выглядел как человек, полностью погруженный в мир цифр, графиков и электронных баз данных. Его фуражка была сдвинута чуть набок, что выдавало некоторую внутреннюю задумчивость.

— Начальство на горизонте, — прошипел Илья, вжимаясь в шкаф.

Майор вошел в помещение МЗК. Он остановился у окна, видимо, обдумывая какую-то сложную схему оцифровки архива Шлаптевой. Его свободная рука потянулась к голове, чтобы поправить фуражку, но на полпути изменила траекторию. Совершенно механически, не меняя выражения лица и не отводя глаз от экрана планшета, Игорь Никитич нащупал одну из сушек на столе.

Раздался отчетливый хруст.

Марина Анатольевна и Илья переглянулись в немом шоке. Майор, продолжая изучать электронную таблицу, отправил кусок сушки в рот. Он делал это так естественно, будто это было частью его должностных обязанностей. Затем, совершив еще одно неосознанное движение, он прихватил и вторую сушку, которая, будучи привязанной ниточкой, потянула за собой последнюю.

— Ой, — тихо вырвалось у Майора, когда он почувствовал сопротивление нитки.

Он на секунду оторвался от планшета, посмотрел на сушки, на ниточку, а затем — прямо в сторону шкафа, где затаились «детективы». В воздухе повисла неловкая пауза. Майор Игорь невозмутимо откусил вторую половину, аккуратно снял нитку и положил её на пустую тарелку. Его лицо снова приняло строгий, официальный вид, хотя в глазах на мгновение промелькнуло нечто человеческое.

— Илья Анатольевич, Марина Анатольевна, вы почему не на рабочих местах? — сухо спросил он.

Детективы медленно вышли из своего укрытия, чувствуя себя пойманными на месте преступления, хотя преступление совершил как раз начальник. Илья судорожно спрятал блокнот за спину, а Марина Анатольевна прижала к груди папку с рецептами. Ситуация была классическим примером того, как регламент сталкивается с реальностью.

— Мы... мы проводили инвентаризацию пищевых ресурсов, Игорь Никитич, — нашелся Илья.

Майор кивнул, словно это объяснение было вполне логичным и вписывалось в его план реформ. Он поправил фуражку, уже окончательно вернувшись в образ строгого руководителя. Сушка, которую он только что съел, явно придала ему сил для дальнейшей борьбы с бумажной бюрократией и сопротивлением Елены Геннадьевны.

— Хорошее дело. Учет и контроль — основа порядка, — изрек Майор. — Только в следующий раз инвентаризируйте что-нибудь более существенное. А сушки... сушки у вас вкусные. Напоминают те, что мне бабушка в училище присылала.

С этими словами он развернулся и зашагал обратно в свой кабинет, оставив подчиненных в состоянии легкого когнитивного диссонанса. Марина Анатольевна посмотрела на пустую тарелку, где теперь лежала только одинокая ниточка. Тайна «кухонного призрака» была раскрыта, но результат оказался неожиданным даже для опытного аналитика Пересекова.

— Это коллективное бессознательное, — резюмировал Илья.

— Нет, Илья, — вздохнула Марина Анатольевна. — Это просто наш коллектив. Каждый берет по чуть-чуть, машинально, даже не замечая. И Майор — не исключение. Мы все тут одна большая семья, со своими странными привычками.

Они вернулись в свои кабинеты, понимая, что засады больше не помогут. Пока в 400-м ВП кипит работа, пока шахматисты спорят о микронах, а Майор грезит о цифровых базах, любая печенюшка будет находиться в зоне риска. Это был естественный круговорот еды в природе военного представительства, остановить который не под силу никаким инструкциям.

— Завтра принесу сухари, — пробормотал Илья, усаживаясь за стол. — Их сложнее жевать незаметно.

Однако он уже знал, что и сухари постигнет та же участь. Ведь в этом здании, за сухими стенами и строгими табличками, билось живое сердце коллектива, которому иногда просто требовалось немного глюкозы для поддержания боевого духа. И хотя «призрак» был разоблачен, чувствовали они себя не победителями, а частью чего-то гораздо более масштабного и непредсказуемого, чем любой план цифровизации.

Вечер в представительстве обещал быть спокойным.

Но в воздухе уже витало предчувствие новых потрясений. Если еда исчезала по воле «коллективного бессознательного», то скоро наступит момент, когда кто-то захочет личного пространства для своих запасов. Илья посмотрел на свой холодильник и представил, как скоро на нем появятся первые предупреждающие знаки, предвещающие начало новой эпохи — эпохи «молочного террора» и битвы за каждую ложку сахара.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.